

Элиетт фон Караян: *Культура - 1993 - Зима - С. 11*

ЖИЗНЬ БЕЗ ГЕРБЕРТА

Три года назад умер Герберт фон Караян — художник из семейства счастливых артистов, заслуживший огромную славу при жизни. По словам меломанов, Берлинский филармонический оркестр, которым он управлял, был лучшим оркестром мира. В последние годы жизни выступления Караяна с оркестром любили записывать на видеокассеты, и родилась легенда — если сложить в стопку все проданные кассеты, то получатся в высоту три Эйфелевы башни... О своем муже, его искусстве, личной жизни, раскрывать которую Караян не любил, рассказала на страницах журнала «Пари-матч» его вдова — Элиетт фон Караян, художник и меценат.

— Вы гордитесь тем, что носите его имя?

— Горжусь? Конечно, но в принципе после стольких совместно прожитых лет в этом нет для меня ничего необычного. Откровенно говоря, я об этом не думала. Это попросту моя вторая натура; не я, а окружающие меня люди замечали, что я жена Караяна.

— Трудно ли было жить с Гербертом фон Караяном?

— Для меня — нет. Я встретила его, когда мне было 19, и спустя три года мы поженились. Разница в возрасте была 30 лет, и первенство в браке принадлежало ему: он меня всецело сформировал. Но он никогда не делал из меня «покорную пару». Он позволял мне развиваться совершенно свободно, и это давало мне возможность самой строить свою жизнь. Начала я с того, что крепко засела за немецкий. Даже при том, что Герберт великолепно владел французским, он не любил, когда что-нибудь делают наполовину. Когда он работал в миланском «Ла Скала», я выучила итальянский. Затем родились Изабель и Арабель. Я отдавала им много времени, и потом у меня был мой «тайный садик», моя живопись. Я всегда рисовала. А вечерами мы с Гербертом сно-

ва находили друг друга. Он вспоминал партитуры, которые знал наизусть, или просил меня послушать свои соображения и замечания. А я показывала ему мои холсты. Главным в наших отношениях была простота и подлинное уважение к свободе другого. Чтобы быть к нему еще ближе, я выучилась летать. Вот только штурвал его парусника был единственным местом, где меня не было рядом: я не переносил корабельной качки. Нас связывало столь многое, что, когда он был тяжело болен, я, кажется, страдала так же, как и он.

— Маэстро, подобно всем большим артистам, имел своих приближенных?

— Что-то вроде музыкального двора. Но в целом он предпочитал тихую семейную жизнь, занятия спортом, любил летать на своем самолете, ездить на автомобилях, кататься на коньках, путешествовать по морю на своем паруснике и обедать с семьей — Изабель, Арабель, я и еще несколько близких друзей.

— Чувствовать себя ежедневно вдовой «звезды» — не просто?

— Вдовой — да, но только не «звезды». Герберта отличало необыкновенное стремление к совершенству, и он не хотел, чтобы о нем говорили иначе, нежели как о руководителе оркестра. В самом деле, я вдова одного из крупнейших людей своей эпохи, и сегодня мой долг — исполнить его несвершенные замыслы.

— Какие?

— Прежде всего — вновь вдохнуть жизнь в пасхальные фестивали, основанные им. Это его нравственное наследие. Я лично спасла три концерта Чикагского оркестра под управлением Георга Солти и Даниэля Баренбойма в 1992 году, ибо в самую последнюю минуту американские фирмы, согласившиеся принять на себя расходы по размещению ста тридцати музыкантов, вдруг изменили свое решение. Я взяла на себя ответственность за поездку и размещение в Зальцбурге, где тоже все было аннулировано: Я делаю все, что могу, чтобы найти меценатов, поскольку этот фестиваль устраивается без поддержки госу-

дарства. Кроме того, я стремлюсь к активному участию в деятельности государственного фонда, выдающего стипендии молодым дирижерам. Последний взнос был целиком из моего собственного фонда. Вскоре фонд будет помогать художникам. Очень важно помочь молодым. Не столь уж давно искусство стало пользоваться поддержкой многочисленных обществ. Сейчас спад приостановлен, но если люди, подобные мне, не подадут примера, молодые артисты могут так и не найти меценатов.

— А что вы делаете, когда не заняты заботой о судьбах музыкального мира?

— После смерти Герберта я начала мою третью жизнь. Первая — свободная юность в провинции, в Ницце, в семье педагогов, людей искренних, пылких и нецеремонных. Затем я поехала в Париж — работать манекенщицей. Встретила Герберта, мы соединили свои жизни на 30 лет. И вот сейчас пытаюсь обрести какую-то безмятежность. Когда мне грустно, я хожу подышать воздухом и подумать о моих корнях. Это форма медитации. Мне совершенно необходимы мои домашние животные — две ламы, собачка, два кота и ослик. Я продолжаю рисовать. Живопись для меня — источник внутреннего равновесия. Я ведь сейчас одна, поскольку у моих дочерей собственная жизнь, и мне приходится это принимать... Особенно важно для меня уважение к их независимости.

— Что они сейчас делают, ваши Изабель и Арабель?

— Арабель 28 лет, она учит современную музыку в Бостонском университете. Изабель 30. Она театральная актриса, выступает в Германии и Франции. А сейчас она на орлеанских подмостках...

— Фортуна, по вашему мнению, была к вам особенно благосклонна?

— Деньги дают мне свободу и привилегию мечтать, я бы даже сказала — быть капризной. Я даже, наверное, скоро стану говорить, что они-то могут все...

Материал подготовил
Д. САВОСИН.